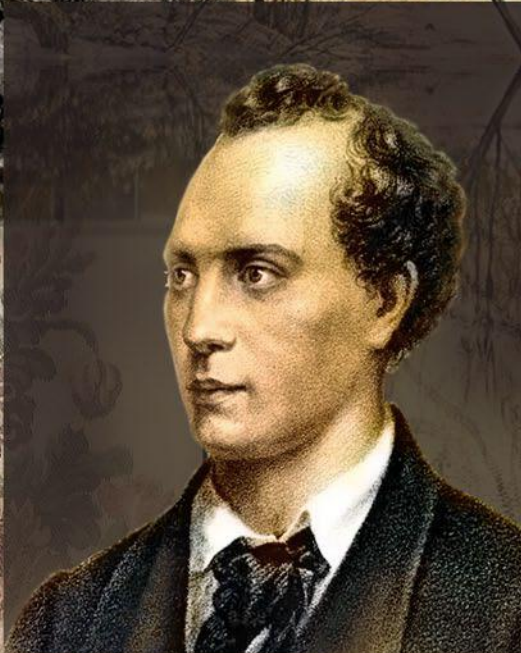
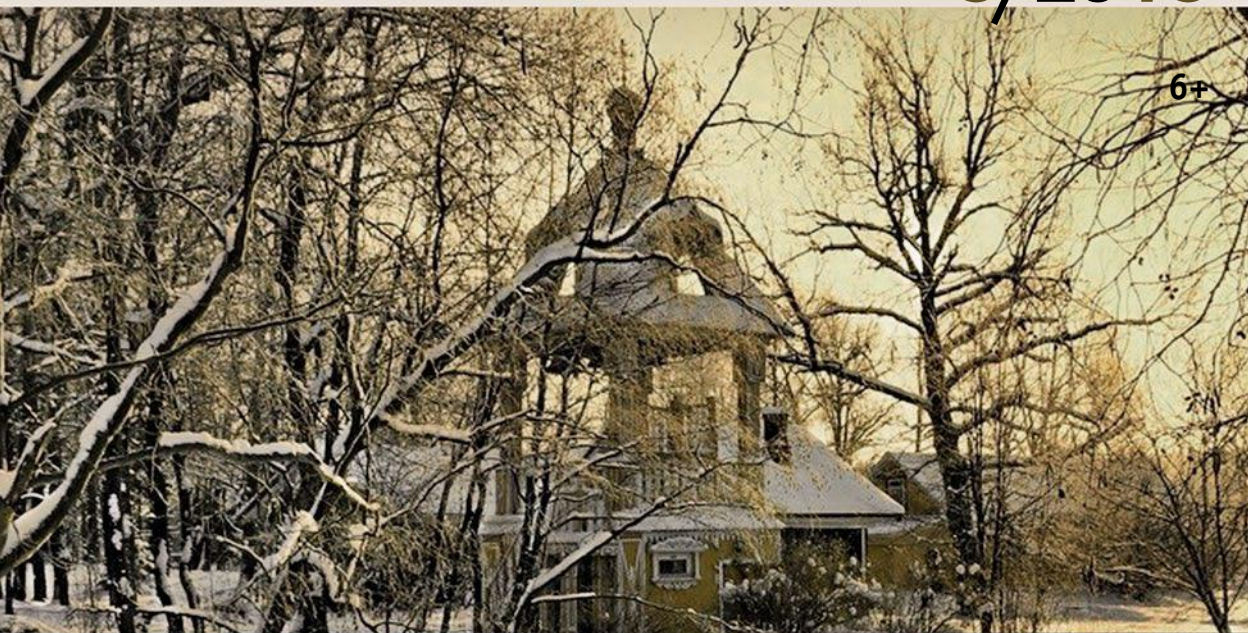

ЗНАНИЕ-СИЛА®

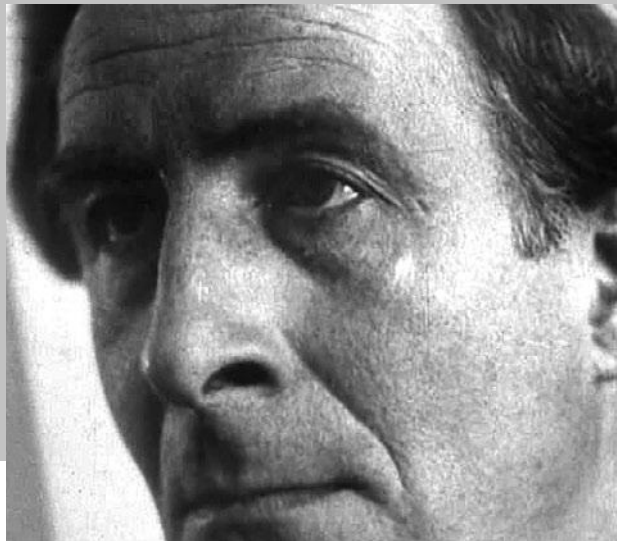
«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

8/2018

Мураново – целительный родник
ПОЭЗИИ

«Нет ничего в мире сильнее свободной научной мысли...»

В предисловии к «Воспоминаниям Тимофеева-Ресовского» близко его знавший Симон Эльевич Шноль («высокоученнейший Шноль», как Н. В. именовал его в шутку) передал свое впечатление от первой встречи с Н. В. на капишнике 56-го года такими словами: «У меня возникло и на долгие годы оставалось ощущение ожившего ископаемого». Наверное, такое же ощущение владело многими, кто тогда слушал Николая Владимировича — во всяком случае, меня можно смело отнести к их числу.

Он и был чудесным образом уцелевшим свидетелем, который мог донести до нас весть о тех временах, которых мы не застали, о тех выдающихся людях, про которых мы забыли, об их нравственных нормах и традициях служения науке, которые в наше время стали казаться просто неправдоподобными. Это не дежурные слова некролога — стоит прочесть воспоминания самого Н. В. и его учеников и друзей, как картинки прошлого и люди тех времен оживают перед глазами.

Поэтому, когда его окрестили «Зубром» с легкой руки Даниила Грани-

на, — никто особенно не удивился. Это прозвище к нему подходило удивительным образом. В книге Бабкова и Саканян красочно описывается случай его встречи с настоящим зубром при посещении Приокско-Тerrasного заповедника. При этом очень уместно приводятся слова сотрудника-зубровода М. Заблоцкого: «Зубр обладает высоким чувством собственного достоинства: на зубра ярмо надеть нельзя! Если его родственник, американский бизон, приручаем, то зубр — нет, не приручаем. Зубр — это вид не вымирающий, а истребленный человеком...».

Да, можно только удивляться, с какой неуклонностью в нашей стране велась компания, направленная на усмирение, (а порой и истребление) «Зубра» и ему подобных «млекопитающих». Что касается самого Н. В., то напомним, что он еще в начале 20-х был отнесен к разряду чужеродных элементов среди студенчества МГУ (конечно, так оно и было!) и подлежал «чистке» (от чего его спасла командировка в Германию по рекомендации Н. К. Кольцова). Ну, а о том, что с ним произошло, когда в 45-м году он вернулся в СССР,

Окончание. Начало в № 1 за этот год.

а затем в послевоенные годы — я уже писал. Примечательно, что Н. В. никогда не был замечен в какой-либо антисоветской деятельности и не любил разговоров о политике — они были ему попросту неинтересны. Но ничего нельзя было поделывать с его самобытностью и органической неспособностью угадывать пожелания начальства. Он держался наособицу, а советская власть всегда с подозрением относилась к таким людям.

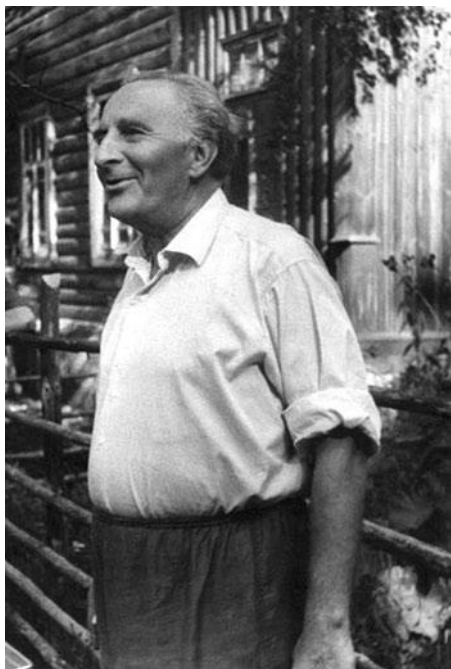
Казалось бы, ситуация с Н. В. стала меняться к лучшему после того, как в марте 64-го года, благодаря усилиям немалого числа друзей, он был приглашен на должность завотделом радиобиологии и экспериментальной генетики Института медицинской радиологии (Обнинск). Действительно, следующие несколько лет протекали для него относительно спокойно и в привычном для него стиле жизни. Летом — молодежные школы, как некоторое продолжение Миассовских трепов, а в течение всего остального года его небольшая квартирка в Обнинске становилась центром притяжения для молодежи института и множества гостей из Москвы. И, как водится, частые вечера в доме Тимофеевых-Ресовских проходили с необыкновенной живостью и таким же разнообразием тематики и содержательностью. Все в точности, как это было на всех прошлых семинарах-коллоквиумах с его участием, будь то в лаборатории Четверикова в Москве 20-х, в Германии в 30-х, на Урале или на Школах в Подмоскovie в 50—60-х годах.

Нетрудно понять, что во всем этом было нечто такое, что не могло не послужить источником нешуточного раздражения для советско-партийного начальства. Где бы ни работал Н. В., через какое-то время к нему возникали практически одинаковые претензии (менялись только фамилии местных «руководящих товарищей»). Суть их была примерно такова: «Как это так, происходит какие-то собрания, а точнее — собрания, тематика их никак не согласуется ни с райкомом, ни с руководством института,

наезжают какие-то гости из Москвы, совершенно «случайные» люди делают доклады, и к тому же руководит всем этим Тимофеев-Ресовский, человек сугубо беспартийный и с сомнительной репутацией!». Еще хуже стало после того, как в центральной печати начали появляться статьи, в которых «совершенно не критично», а даже с восторгом рассказывалось обо всей этой «самодеятельности». Для проверки пару раз в Обнинск посылали «своих людей» на эти «посиделки». Те потом докладывали, что вроде никакой антисоветчины в разговорах нет, речь все больше о науке, о музыке или о живописи, но все с каким-то «не-нашим» душком. А тут еще и подошла Чехословакия со своим «порочным» опытом создания какого-то «социализма с человеческим лицом», явным вывихом, который пришлось нам выправлять танками в августе 68-го года.

Чтобы было легче представить себе озабоченность партийных начальников, позволю себе процитировать несколько строк из инструктивного письма ЦК КПСС того времени под названием «О работе с молодежью». Там Обнинск приводился как пример упущений в этой области. Сказано было буквально следующее: «...в условиях отсутствия должного внимания к работе с научной молодежью роль воспитателя... начинают играть чуждые нам по идеологии люди, например, в Обнинске некий профессор (курсив мой. — В. С.) Тимофеев-Ресовский, известный тем, что работал на гитлеровскую Германию».

И вот первый секретарь Калужского обкома партии вызвал к себе директора института академика АМН Г. А. Зедгенидзе и настойчиво предложил ему избавиться от нежелательного сотрудника Н. В. Тимофеева-Ресовского. Директор очень ценил и уважал Н. В., но все его попытки защитить Николая Владимировича перед лицом само-(и полно)властного партийного начальника успеха не имели. В результате в августе 1969 года Николай Владимирович

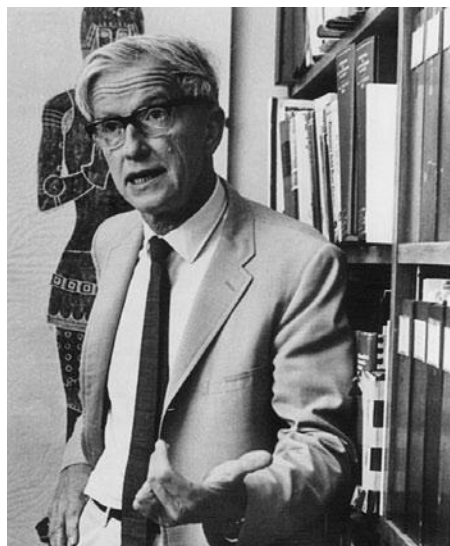
(а вслед за ним и его жена Елена Александровна) были вынуждены уйти на пенсию.

Но все-таки мир не без добрых людей, и на тот раз в этой роли оказался академик О. Г. Газенко. Он хорошо знал Н. В., дружил с ним, и, не колеблясь, пригласил его в свой Институт медико-биологических проблем в качестве консультанта. Как рассказывали, начальник отдела кадров института ужаснулся, увидев анкету Н. В. и его автобиографию. Ведь институт-то был засекреченный, а тут предлагается взять почти явного иностранного агента. Но когда он поделился своими сомнениями с директором, тот ему ответил очень доходчивым образом: «Если не получится оформить Н. В. в наш Институт, то мне придется распрощаться с вами». Кадровику все стало ясно касательно проблемы «неблагонадежности» личности Н. В., и вопрос был решен положительно. Благодаря этому на следующие десять лет за Николаем Владимировичем была сохранена хоть какая-то возможность занятий наукой.

В том же 1969 году случилось событие, имевшее для Н. В. особую значи-

*Н.В.Тимофеев-Ресовский
в Миассово*

*Н.В.Тимофеев-Ресовский
и три его сотрудника,
в разное время заведовавшие
биофизической станцией
Миассово*

Макс Дельбрюк

мость: Нобелевская премия по медицине за тот год была присуждена его другу и ученику Макс Дельбрюку, с которым его связывали годы успешной совместной работы в Германии в 30-х годах и глубокая общность человеческих интересов. И вот где-то в конце ноября на пути в Стокгольм Дельбрюк «завернул» в Москву, чтобы после 30 лет разлуки повидаться

с Тимофеевым-Ресовским. Как протекал этот визит — красочно рассказано в книге Жореса Александровича Медведева «Опасная профессия».

В Академии наук, которая принимала нобелевского лауреата, были готовы устроить для него роскошный официальный прием, что называется — «по первому разряду». Однако, профессор Дельбрюк хотел только одного — встречи с Тимофеевым-Ресовским. Для начала выяснилось, что в аппарате Академии наук никто не знал, что он уже более не работает в Институте в Обнинске, и было неясно, как с ним связаться. Сам Н. В. приехать в то время в Москву не мог из-за болезни жены. Обнинск считался «закрытым городом», и туда привезти нашего зарубежного гостя, хотя бы даже и нобелевского лауреата, было проблематично. Ж. А. Медведев взялся это сделать и провел операцию блестяще, в лучших традициях шпионских боевиков. Ранним утром на площади Революции он встретился с Дельбрюком, который умудрился незаметно покинуть гостиницу «Метрополь». Для конспирации он, по совету Жореса, надел шапку-ушанку. Простейший вариант — взять такси — был неприемлем по очевидным причинам. Поэтому они просто спустились в метро и доехали до Киевского вокзала, а оттуда электричкой до Обнинска. Весь день Дельбрюк гостил у Н. В., а к вечеру Жорес тем же путем доставил его обратно в «Метрополь».

В тот день чиновники Академии наук сбились с ног в поисках исчезнувшего бесследно нобелевского лауреата. Но на следующий день он объявился сам и для него все же смогли устроить все полагающиеся «по чину» официальные приемы. Однако во время этих приемов в ответ на приветственные речи гость не упустил возможности сказать самые теплые слова признательности в адрес своего близкого друга Тимофеева-Ресовского, выражая при этом свое удивление и даже немалую озабоченность тем, что в нашей стране его выдающиеся заслуги не были оценены по достоинству. Наверное, президенту Академии

М. В. Келдышу это было не очень приятно услышать, но что поделаешь — ноблесс облич, как говорят французы. Ну, а еще через несколько дней в своей нобелевской речи Макс Дельбрюк в полной мере воздал должное Тимофееву-Ресовскому как своему учителю и одному из крупнейших классических генетиков XX века.

Почти всегда, когда где-либо заходила речь про Н. В., можно было услышать всякие домыслы касательно того, почему ему было дозволено активно работать в фашистской Германии даже в то время, когда эта страна затеяла чудовищную войну с Россией. Распускались также самые фантастические слухи, начиная от того, что в его лаборатории на наших военнопленных испытывалось действие радиации на человеческий организм, а он сам активно участвовал в разработке евгенических проектов выправления дефектов генетики человека. Утверждалось также, что он имел звание штурмбанфюрера СС и в своих исследованиях исполнял задания вермахта. Как и водится, никаких доказательств его участия во всех этих преступных деяниях никто не мог привести, но разве когда-либо клевета нуждалась в доказательствах? Ведь главное было — скомпрометировать человека и вынудить его оправдываться. Вот здесь они просчитались!

Для Тимофеева-Ресовского, с его понятиями о чести и собственном достоинстве, было абсолютно неприемлемо опускаться до попыток оправдаться в глазах подонков. Он никогда этого не делал и высоко держал голову как человек, которому нечего стыдиться в своей жизни. Для него святой была память о сыне Дмитриии, антифашисте, погибшем в Маутхаузене, и он даже мысли не допускал, чтобы прикрыться его именем как щитом.

Вся эта свора клеветников, состоявшая в основном из лысенковцев в союзе с ренегатами из генетиков и псевдопатриотами из журнала «Наш современник», на протяжении десятков лет вела гнусную кампанию против Н. В. На самом деле, главной целью их «деятельности» было и есть —

оправдание всего того, что делалось при Сталине и от его имени. Погубили Николая Кольцова — но он уж совсем был «не наш!» Убили Николая Вавилова — так ведь за дело: занимался всякими «биологическими финтифлюшками» и разъезжал за казенный счет по заграницам! Разгромили кейсманистов-морганистов — туда им и дорога, подлым агентам Запада, всячески вредившим советскому сельскому хозяйству и покушавшимся на наше достояние — «народного академика Лысенко»*. А если уж заходит речь о «явном «предателе», Тимофеев-Ресовском, то здесь просто случился «прокол», про который можно сказать только словами Высоцкого: «А что не дострелили — так я не виноват!».

Я полностью отдаю себе отчет в том, что некоторые из предубежденных читателей могут обрушить на меня не один десяток ссылок на источники, в которых содержатся якобы «бесспорные доказательства» участия Н. В. в преступлениях нацизма. Не собираюсь опровергать или каким-либо еще образом доказывать всю нелепость и чудовищность подобных обвинений — об этом уже было сказано достаточно много самыми авторитетными людьми. Предложу только подумать над словами Николая Владимировича, сказанными им в одном из последних интервью, когда зашла речь о смысле жизни: «И главное, в церквях Божьих диаконами почти на каждой службе в ектеньи ответ дается: смысл жизни в непостыдной смерти, чтоб когда Вы будете помирать, Вам не стыдно было помирать в качестве какой-то сволочи или черт знает чего... Почему я родился? Я не знаю, ежели Вы меня спросите, не знаю... но знаю, что целью моей жизни всегда было и есть, вот, чтобы не очень совестно было помирать, когда смерть придет. Так? Я думаю, и Вам, чтобы было не совестно, когда Ваша смерть придет. Так? И в этом цель жизни».

Искренность этих слов не вызывает у меня никаких сомнений. Хотелось бы знать, многие ли из критиков Н. В.

могли бы подписаться под этими словами? И должен добавить, что, если для человека планка жизни поставлена на такую высоту, то просто кощунственно и подло подозревать его во лжи или в лицемерии.

Да, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский не посрамил тех людей, кого мог числить среди своих учителей, тех, кто «поставили ему голос» и обозначили критерии нравственности, привили вкус к науке и к просветительской деятельности. Ну, что же, они не ошиблись — он не только впитал все эти уроки, но и в какой-то момент ощутил себя продолжателем дела своих предшественников, приняв на себя нечто вроде обета, данного своим великим учителям. Без преувеличения и излишнего пафоса можно сказать, что исполнение этого обета было всегда главным делом его жизни. Куда бы его ни забрасывала судьба, он не только находил пути всерьез заниматься наукой, но и очень скоро вокруг него создавался центр образования и просвещения, куда стремились попасть молодые ученые и студенты со всей нашей страны. От него, как по воде, волны сами расходились по всей стране — волны безумной увлекательности самого занятия наукой, всеобщей доброжелательности и веселости как норм жизни.

Какие бы испытания ни выпадали на его долю, какие бы препоны ни возникали на пути, ничто не могло поколебать его веры в необходимость сохранять и умножать традиции бескорыстного служения науке и своей стране, переданные ему его Учителями. А для нас, тех, кто смотрел на него с восхищением, представлялось, что и он ни в чем им не уступал, как достойнейший представитель поколения тех российских интеллигентов, про которых так точно было сказано в строках Осипа Мандельштама:

Чур! Не просить, не жаловаться, цыц!

Не хныкать!

Для того ли разночинцы

Рассохлые стоптали сапоги,

Чтоб я теперь их предал?..

Мы умрем, как пехотинцы,

Но не прославим ни хищи,

ни поденщины, ни лжи.

* См. Главную тему этого номера.